

А. Сохор

Георгий Свиридов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 78
ББК 85.31
С68

С68 **Сохор А.Н.**
Георгий Свиридов / А. Сохор – М.: Книга по Требованию, 2013. – 346 с.

ISBN 978-5-458-40590-4

Издание второе, дополненное. Георгий Свиридов — выдающийся композитор нашей эпохи, достойный наследник и продолжатель великих традиций русской национальной музыки. Его творчество заслуживает подробного и разностороннего рассмотрения в музыковедческих работах различных жанров — от популярных очерков до специальных теоретических исследований. Настоящая работа задумана как монография обобщающего типа. Главное внимание в ней уделено жизненному и творческому пути композитора, а в анализах произведений — их идейно-образному содержанию. Музыковед Арнольд Наумович Сохор был другом Свиридова, композитор посвятил ему одно из своих лучших сочинений - "Отчалившую Русь".

ISBN 978-5-458-40590-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Георгий Свиридов — выдающийся композитор нашей эпохи, внесший громадный вклад в советское и мировое искусство, достойный наследник и продолжатель великих традиций русской национальной музыки. Его творчество заслуживает подробного и разностороннего рассмотрения в музыковедческих работах различных жанров — от популярных очерков до специальных теоретических исследований.

Настоящая работа задумана как монография обобщающего типа. Главное внимание в ней уделено жизненному и творческому пути композитора, а в анализах произведений — их идейно-образному содержанию.

Композиторская биография Свиридова не совсем обычна. Первые сочинения, сразу сделавшие известным его имя, — пушкинские романсы — написаны в 1935 году, когда их автору еще не было двадцати лет. Однако окончательно он обрел себя лишь спустя полтора десятилетия — на рубеже сороковых и пятидесятих годов. Тогда-то и начался расцвет его творчества, ознаменованный многими замечательно сильными и самобытными сочинениями, среди которых — вокальная поэма «Страна отцов» на слова А. Исаакяна, цикл песен на слова Р. Бернса, «Поэма памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория» на слова В. Маяковского, «Курские песни», «Петербургские песни» на слова А. Блока.

Все эти произведения Свиридова резко отличаются по образному содержанию и стилю от большинства написанных им в конце тридцатых и в сороковых годах. Различия так велики, что кажется, на первый взгляд, будто перед нами два разных автора. В действительности же зрелые работы композитора закономерно продолжили одну из линий, проходящую через все его творчество, — линию вокальной музыки, связанной так или иначе с народной песней. Раньше она часто терялась среди других, отступая на второй план, и на нее не обращали должного внимания. Зато теперь проследить ее гораздо легче — подобно тому, как путь, ведущий к горной вершине, можно лучше увидеть тогда, когда она уже достигнута после долгого и извилистого подъема...

Вот почему в этой книге внимание распределяется между различными сочинениями Свиридова неравномерно. Основное место отведено его творчеству последних двух десятилетий, а из ранних произведений особо выделены вокальные, сыгравшие в становлении его индивидуальности наибольшую роль.

Во второе издание монографии включена новая глава, посвященная творческой деятельности Свиридова в 1961—1970 годах. Помимо этого расширено заключение, где более подробно охарактеризован стиль композитора. Наконец, дополнены список его произведений и библиография.

Глава первая

«О МОЯ ЮНОСТЬ!..»

Детство. Начало занятий музыкой. Годы учения в Ленинграде (техникум, консерватория). Раннее вокальное творчество: пушкинский цикл, романсы на слова Лермонтова, песни на слова Александра Прокофьева, хоровые произведения. Инструментальное творчество конца тридцатых годов.

В нескольких своих произведениях Свиридов обращается к одному и тому же историческому периоду — годам революции и гражданской войны. Дыханием этих лет овеяны и «Поэма памяти Сергея Есенина», и «Патетическая оратория», и некоторые находящиеся в работе новые сочинения. Привлекают композитора также первые годы мирного строительства («Здесь будет город-сад» из «Патетической оратории», музыка к кинофильму «Время — вперед!»).

Обращение Свиридова к этим историческим периодам объясняется главным образом глубокими идейными побуждениями — стремлением раскрыть решающую, переломную роль Октябрьской революции в судьбе России и русского народа. Но определенное значение имеет и то, что для композитора события, о которых повествуют Есенин, Блок, Маяковский, — это не далекая история, знакомая лишь по книгам, а пролог или начало его собственной биографии.

Георгий (Юрий) Васильевич Свиридов родился 3 (16) декабря 1915 года в городе Фатеже Курской губернии. Через много лет он назвал свой песенный цикл на слова С. Есенина — «У меня отец — крестьянин», и это название в некоторой мере автобиографично: отец Свиридова, Василий Григорьевич, был крестьянского происхождения. Получив образование, он стал почтово-телеграфным служащим. Мать композитора, Елизавета Ивановна, учительствовала.

Первые впечатления детских лет — а они запомнились на всю жизнь — у будущего композитора были связаны с природой средней степной полосы России, с трудом и бытом русского крестьянина, с жизнью утопавшего в садах тихого уездного городка Фатежа. Свиридовы жили на окраине, на высоком берегу реки Усож, опоясавшей

город. Сразу за рекой начинались деревни. Стоило мальчику пробежать вниз и перейти на другой берег, как он попадал на луг, где играли крестьянские дети. Здесь он бывал очень часто, участвуя в играх, наблюдая сенокос, помогая пасти лошадей... И сегодня, когда слушаешь хор Свиридова на слова Есенина — «Табун», то невольно думаешь, что здесь композитор делится сокровенным, вспоминая о собственном детстве:

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

Есенинское стихотворение заканчивается многозначительными строками:

Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о Родина, сложил я песню ту.

И Свиридов выделяет, подчеркивает в музыке эти слова. Русский сельский пейзаж и песня пастуха дороги ему не только своею красотой, но и тем, что вызывают мысль о всей родной земле, что это — частицы самого высокого, самого священного: Родины.

Такое восприятие Родины вообще характерно для Свиридова-композитора. Вспомним еще один, особенно показательный пример: четвертую часть «Патетической оратории» — «Наша земля», где говорится о любви советского человека к родной стране. В самом начале части, а затем и далее в оркестре звучат «свирельные» наигрыши флейты, напоминающей здесь пастуший рожок. Они рождают представление о степных просторах, о полях, овеянных тихой грустью... Откуда взялся этот музыкальный образ среди суровых героических фресок, посвященных революции, борьбе и стройке? Как попал он в ораторию на слова Маяковского? Должно быть, оттого, что картины русской природы, полей, лугов и деревень, ставшие для композитора символом родной земли, запали в его память и сердце с самого детства.

С русской деревней частично связаны и первые художественные впечатления Свиридова. Сызмальства ему случалось слышать крестьянскую народную песню. Но одновременно глубокий отпечаток наложила на него городская культура, в частности бытовая музыка, звучавшая и дома, и вокруг. Рано узнал он русскую поэзию — Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Так будущий композитор еще в детстве соприкоснулся с природой и народной жизнью, с русской поэзией и песней — могучими источниками его творческого вдохновения в зрелые годы. И тогда же в его жизнь вошла революция.

Детство и ранняя юность Свиридова пришлись на первые годы Советской власти. В стране совершались гигантские революционные преобразования, происходила крутая ломка старого, в огне граждан-

ской войны и в борьбе с разрухой утверждал себя новый строй жизни. Мальчиком, а затем подростком Свиридов видел все это своими глазами. Навсегда сохранился у него живейший интерес ко всему, что связано с революцией, — будь то ее документальные и художественные памятники, биографии ее участников или воспоминания о ней. И когда композитор обратился в своем творчестве к революционной эпохе, ему не понадобилось специальных исторических разысканий, чтобы ощутить ее обстановку и дух: он вырос в ее атмосфере, он сын этой эпохи...

Революционные события вторглись и непосредственно в жизнь семьи Свиридовых.

В 1917 году Василий Григорьевич вступил в Коммунистическую партию. Когда в Фатеже установилась Советская власть, он стал заведовать уездным отделом труда. В 1919 году его убили деникинцы.

В 1924 году семья переехала в Курск. Но связи с Фатежом и окружающими его селами не прерывались: сюда Свиридовы приезжали на лето.

В Курске Юрий Свиридов продолжал учиться в школе. Здесь началось его страстное увлечение книгами. Почти все свободное от школы время посвящалось чтению.

Лишь постепенно на первое место в кругу его интересов стала выдвигаться музыка. Начальные уроки игры на фортепиано он получил еще в Фатеже у домашней учительницы. Такие же занятия продолжались некоторое время после переезда в Курск. Но они казались мальчику скучными, все больше тяготили его и, наконец, прекратились. Гораздо больше, чем рояль, юного любителя музыки привлекала балалайка. У одного из школьных товарищей был этот инструмент. Свиридов стал учиться играть и вскоре уже подобрал по слуху вальс «Ветерок».

В Курске славился оркестр русских народных инструментов клуба совторгслужащих. Дело это было новое, массовое развитие художественной самодеятельности в стране тогда еще только начиналось, но участники оркестра вели работу смело и с размахом. Его концертмейстер — домрист Иоффе, в прошлом скрипач — был большим энтузиастом музыкальной пропаганды в массах. По его инициативе в городе проводились лекции-концерты и музыкальные вечера, посвященные композиторам-классикам. Здесь исполнялись русские народные песни, произведения Чайковского, увертюра «Эгмонт» Бетховена, ля-мажорный полонез Шопена.

Свиридов поступил в оркестр, стал играть партию балалайки-секунды и превратился в ревностного участника всей работы этого самодеятельного коллектива. Знакомясь с не известной ему ранее музыкой, он все больше интересовался ею. Любитель-балалаечник начал покупать все ноты, какие только попадались, и пробовал разбирать их. В городском саду он присаживался к эстраде, где духовой оркестр играл марши, танцы и попури, а дома подбирал услышан-

ное на рояле и пытался сочинить что-нибудь в том же роде. Теперь он уже стал жалеть о том, что бросил занятия по роялю.

Подготовленный исподволь сдвиг произошел летом 1929 года, когда Свиридов решил поступить в музыкальную школу. На вступительном экзамене ему предложили сыграть что-нибудь на рояле. Никакого репертуара у него не было, и он исполнил... марш собственного сочинения, который назвал почему-то «Австрийским» (очевидно, по образцу тех, что слышал в городском саду). Педагоги смеялись, но — к их чести — разглядели в авторе этой наивной импровизации подлинные способности.

В музыкальной школе Свиридов стал учеником Веры Владимировны Уфимцевой — жены известного русского изобретателя Анатолия Георгиевича Уфимцева. Вскоре юноша подружился с семьей Уфимцевых и начал бывать в их доме. Здесь его ждало много интересного. Уфимцев был человеком разносторонних дарований, с богатым жизненным опытом. За его плечами стояла практика подпольной революционной работы, многообразная изобретательская деятельность в области авиации, энергетики, электротехники. Он любил и знал литературу, был другом Максима Горького. Общение с Уфимцевым и его рассказы дали Свиридову очень много. Расширился жизненный и художественный кругозор подростка, обогатились его интересы и знания.

С особенной благодарностью Свиридов вспоминает еще одного педагога по фортепиано — культурного и разностороннего музыканта Мирона Абрамовича Крутянского. Он был первым, кто посоветовал Свиридову целиком посвятить себя музыке.

Свиридов продолжал учиться в музыкальной школе и после того, как в 1931 году закончил девятилетку. Занятия музыкой все более захватывали его. В 1932 году один из близких друзей Свиридова по школе уезжал из Курска в Ленинград. Свиридов решил присоединиться к нему, чтобы продолжить музыкальное образование в большом городе. Осенью этого же года он поступил в ленинградский Первый (бывший Центральный) музыкальный техникум¹, в класс рояля к профессору Исае Александровичу Браудо.

Началась новая полоса в жизни Свиридова. Жилось ему в большом городе очень нелегко. Он поселился в общежитии, зарабатывал на жизнь, играя по вечерам в кино или ресторане, часто недоедал и из-за этого болел. Но все трудности преодолевались жаждой знаний.

Юноша, которому шел тогда семнадцатый год, приехал в Ленинград совсем еще «зеленым» в музыкальном отношении. Жизнь в Фатеже и Курске дала ему немалый запас слуховых впечатлений, связанных с народной песней и бытовой музыкой. Но профессиональной музыкальной литературы он почти не знал, ни разу не слышал симфонического оркестра, никогда не был в оперном театре, не видел гобоя,

¹ Ныне — Музыкальное училище имени М. П. Мусоргского.

фагота и многих других инструментов. В Ленинграде Свиридов впервые соприкоснулся со средой профессиональных музыкантов, впервые стал бывать на концертах и спектаклях. Главное же открытие, какое он сделал для себя в Ленинграде, заключалось в том, что, оказывается, сочинению музыки можно учиться и что в музыкальном техникуме существует для этого композиторское отделение.

Свиридов пробовал сочинять еще в Курске. Но юный автор скрывал свои композиторские опыты от педагогов и товарищей по школе, опасаясь непонимания. Теперь, в Ленинграде, Свиридов твердо решил учиться композиции. Он написал две пьесы для фортепиано и в мае 1933 года был переведен на композиторское отделение техникума, в класс профессора Михаила Алексеевича Юдина. Уже через месяц новый студент представил на годичный экзамен первую законченную работу — Вариации.

В те годы Первый музыкальный техникум оспаривал у Ленинградской консерватории главенствующую роль среди музыкальных учебных заведений города. Здесь собралось много талантливой молодежи, съехавшейся из разных уголков страны. Незадолго до поступления сюда Свиридова техникум дал выпуск композиторов, которому мог позавидовать любой вуз. То были Н. В. Богословский, И. И. Держинский, В. П. Соловьев-Седой, Г. К. Фарди, Л. А. Ходжа-Эйнатов и другие ученики известного композитора и теоретика, выдающегося педагога Петра Борисовича Рязанова. Кроме них, в конце двадцатых и начале тридцатых годов здесь учились также А. М. Баланчивадзе, В. Р. Гокиели, Г. В. Киладзе, Ниязи, В. К. Томилин, С. Н. Богоявленский, А. Н. Должанский и другие композиторы и музыковеды, занявшие впоследствии видное место в советской музыке. Очень сильным был педагогический состав техникума. В частности, композиторские и теоретические дисциплины в разное время вели Б. В. Асафьев, А. К. Буцкой, Х. С. Кушнарев, Ю. Н. Тюлин, В. В. Щербачев, М. А. Юдин и ученики Щербачева — Б. А. Арапов, В. В. Волошинов, А. С. Животов, Г. Н. Попов, В. В. Пушкин, М. И. Чулаки.

Все они выступали единым фронтом против устаревших академических догм преподавания, пытливо ища путей обновления музыкальной педагогики, ее сближения с жизнью, с творческой практикой. В поиски были вовлечены не только педагоги, но и студенты, и в техникуме царил атмосфера энтузиазма, кипела творческая жизнь.

В этом обновительном движении М. А. Юдин занимал умеренные позиции. Сочувствуя новаторским педагогическим устремлениям Щербачева и его школы, Михаил Алексеевич в своем творчестве большей частью оставался верен традициям Римского-Корсакова и Глазунова (он вышел из корсаковской школы). В тридцатых годах он писал главным образом кантаты и хоры, щедро используя полифонию и любовно стилизуя русскую крестьянскую песню с ее диатоникой и подголосочным складом.

В классе Юдина Свиридов пробыл около трех лет. За это время он написал десятки крупных и мелких сочинений, сразу обнаружив большую работоспособность и поразительную творческую плодовитость (хотя настоящего взаимопонимания с педагогом у него не было). Некоторые сочинения имели успех далеко за стенами техникума. Квартет для скрипки, флейты, альты и виолончели исполнялся в Малом зале Ленинградской консерватории, что, несомненно, было почетным для начинающего композитора. Скрипичная соната и Фортепианная сонатина игрались на концертах и по радио. Прелюдии для фортепиано и сонатина были, кроме того, приняты к изданию (но затем автора смутило их несовершенство, и он взял рукописи из издательства).

Тогда же Свиридов стал писать романсы и песни. В его обращении к вокальной музыке немалую роль сыграли влияние и пример товарища по техникуму, даровитейшего музыканта-самородка Ивана Матвеевича Глянько — автора прекрасной песни «В саду вишневом», которая долгие годы исполнялась на концертной эстраде (в частности, Ирмой Яунзем) как народная.

В конце 1935 года Свиридов заболел и уехал на время в Курск. Там он завершил цикл из шести романсов на слова Пушкина, начатый еще летом. Этот цикл принес молодому композитору первый большой успех и широкую известность. Романсы были изданы, их спел по радио певец и композитор О. С. Чишко, а вскоре (особенно, начиная с 1937 года, когда отмечалось 100-летие со дня смерти Пушкина) они вошли в репертуар многих выдающихся советских исполнителей, таких, как С. Я. Лемешев, С. И. Мигай, А. С. Пирогов, В. Р. Сливинский, Е. Б. Флакс.

В 1936 году Свиридов поступил в Ленинградскую консерваторию. Тогда же он стал членом Союза советских композиторов и был зачислен на стипендию имени А. В. Луначарского, установленную для творческой молодежи.

В консерватории Свиридов начал заниматься в классе П. Б. Рязанова. За четыре месяца до того, как его новый педагог оставил Ленинградскую консерваторию и переехал в Тбилиси, он сочинил цикл из шести фортепианных пьес и концерт для фортепиано с оркестром. Этот концерт был исполнен П. А. Серебряковым в сопровождении оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского, имел значительный успех и впоследствии не раз звучал на эстрадах Москвы, Ленинграда и других городов (через три года композитор сделал вторую редакцию концерта, заново оркестровал его).

Одно из первых исполнений Фортепианного концерта Свиридова состоялось в ноябре 1937 года на Декаде советской музыки, проводившейся в Ленинграде в ознаменование 20-летия Советского государства. На этой же декаде впервые была исполнена Пятая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. К тому времени Свиридов был уже его учеником.

Шостакович начал преподавать композицию в Ленинградской консерватории в 1937 году. В его класс Свиридов, оставшийся без педагога после отъезда Рязанова, был зачислен одним из первых.

В консерватории существовало тогда несколько классов сочинения, во главе которых, в частности, стояли такие крупные композиторы и педагоги, как М. О. Штейнберг, М. Ф. Гнесин, Х. С. Кушнарев, М. А. Юдин. Теперь к ним присоединился Д. Д. Шостакович. Все они преподавали композицию по-своему, ориентируя учеников на различные классические традиции и современные течения. Это разнообразие педагогических устремлений (при единстве общих эстетических установок) порождало атмосферу творческого соревнования между классами, способствовало быстрому и успешному росту молодежи.

В конце тридцатых годов на композиторском отделении учились Борис Ключнер, Георгий Краснов, Владимир Маклаков, Михаил Матвеев, Георгий Носов, Вадим Салманов, а также безвременно погибший в годы Великой Отечественной войны Борис Гольц. Творческая жизнь на отделении была ключом. Но и в этой обстановке выделялись своей активностью ученики класса Шостаковича: Игорь Болдырев, Орест Евлахов, Юрий Левитин, Юрий Свиридов, Борис Толмачев, Галина Уствольская, Вениамин Флейшман и другие. Эту группу объединяли интерес ко всему новому в музыке, рвение в занятиях композицией и огромное уважение к руководителю класса.

Шостакович в те годы вступил в период большого творческого подъема. Из-под его пера одно за другим появлялись произведения, принадлежащие к лучшим достижениям советской музыки: Пятая и Шестая симфонии, Первый-квартет, Фортепианный квинтет. Естественно, что авторитет этого крупнейшего мастера и его воздействие на учеников были очень велики.

Для Свиридова Шостакович стал не только педагогом, но и — на многие годы — старшим другом, учителем жизни. «Встречи с Д. Д. Шостаковичем, а позднее и И. И. Соллертинским имели громадное значение для всей моей жизни, — пишет Свиридов. — Влияние этих двух людей на меня было очень велико, и я в значительной степени как человек и музыкант формировался под их воздействием»¹.

В 1965 году, когда Свиридову исполнилось пятьдесят лет, Шостакович поделился воспоминаниями о занятиях с ним в консерватории: «Он всегда поражал, просто поражал меня своим творчеством. Он отличался необыкновенной активностью. Быстро писал, очень быстро писал. На каждый, буквально каждый урок он приносил что-нибудь новое — пьесу для фортепиано, романс, песню. Кстати, Свиридов всегда очень хорошо играл на рояле — превосходный пианист! — и очень выразительно пел. И сейчас композитор лучше всех играет свою музыку, аккомпанирует певцам.

¹ «Ленинградская консерватория в воспоминаниях». Л., Музгиз, 1962, стр. 198.

Со школьной стороны в его сочинениях было все в порядке. Я, как педагог, терялся. Не знал, что сказать: ни к чему нельзя было придаться. Сам Георгий Васильевич проявлял самокритичность. Помню, он написал в те годы Фортепианный концерт. Отличное сочинение. Его неоднократно с успехом исполнял Павел Алексеевич Серебряков. Партитура хорошо звучала. Но Георгия Васильевича это не удовлетворяло, и он начисто переоркестровал сочинение...

На экзаменах в консерватории он, конечно, всегда получал «пять». Только один раз некоторые, я бы сказал, академически, именно академически настроенные профессора протестовали: Георгий Васильевич показал на экзамене песенки, песенки-шансонетки на слова Беранже несколько фривольного характера. Это была замечательная, яркая музыка... Очень они мне понравились.

Уже в те времена Георгий Васильевич всегда ставил перед собой и перед своим музыкальным творчеством высокие, очень высокие требования. Он всегда сознавал великое этическое значение нашего искусства. И не терпит никакого, я бы сказал, безыдейного звукоискательства, хотя никогда не устает постоянно пробовать новые формы, творить новый музыкальный язык для выражения своих мыслей.

Это сочетается у него с овладением большой настоящей культурой. Он отлично знает поэзию, литературу — русскую, английскую, немецкую, изучал историю, живопись. Надо сказать, что тогда в Ленинграде это не являлось чем-то исключительным.

В те годы параллельно с моим классом большой класс композиции вел М. Ф. Гнесин — человек очень одаренный, разносторонне образованный. Наши классы часто встречались: ученики Михаила Фабиановича ходили ко мне, а мои — к нему. Это способствовало расширению их кругозора, помогало набирать разные художественные впечатления. Высокой культурой во всей своей деятельности отличались и Щербачев, и Соллертинский, и Кушнарев. Такая была тогда в консерватории атмосфера. И в этой атмосфере развивалось дарование Свиридова; он приобрел подлинную творческую культуру, разносторонние знания»¹.

О своем пребывании в классе Шостаковича Свиридов вспоминает:

«Мне довелось познакомиться с Дмитрием Дмитриевичем и стать одним из его учеников в тот период, когда талант его обрел полную зрелость и так ярко выразился в замечательной Пятой симфонии. Это вообще были яркие годы в области художественной жизни. Именно тогда, думаю, мне, в значительной степени сформировался тот новый стиль нашего искусства, в котором стремилось выразить себя новое, советское общество.

Занятия в классе Шостаковича, у которого я учился в Ленинградской консерватории с 1937 по 1941 год, были очень интересными и никогда не изгладятся из моей памяти. Обучение композиции велось

¹ «Советская музыка», 1965, № 12, стр. 20—21.